
ДИСКУССИЯ

УДК 159.9

“НА МОСТУ” ИЛИ “НА БЕРЕГУ”? О РОЛИ “ЗАЯВКИ ПОЗИЦИИ” В МЕЖПАРАДИГМАЛЬНОЙ КООРДИНАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

© 2025 г. В. В. Нуркова^{1,2,*}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

²ФГБОУ ВО “Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации”;

119606, г. Москва, просп. Вернадского, д. 84, с. 1, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор РАН, заведующая лабораторией психологии личности ИП РАН, ведущий научный сотрудник Школы антропологии будущего ИОН РАНХиГС.

E-mail: nourkovavv@ipran.ru

Поступила 12.03.2025

Аннотация. Текст представляет собой дискуссионный отклик на коллективную монографию “Научные подходы в современной отечественной психологии”. Замысел редакторов издания и авторов обобщающей вводной главы интерпретируется как задел для формирования методологических оснований системы межпарадигмальной коммуникации и координации. Формулируется догадка о том, что за метафорой межпарадигмальных “мостов” стоит категория субъекта, которая мыслится авторами в качестве потенциального связующего звена между подходами. Обсуждается актуальный в контексте социальной ситуации организационного плюрализма современной психологии запрос на рефлексию смыслообразующего и структурирующего вклада личности исследователя в научную деятельность, что проявляется в стандарте “заявки позиции”. Утверждается, что интериоризированная методология является атрибутом личности ученого. Причем рефлексия авторской пристрастности не препятствует налаживанию межпарадигмального полилога, а, наоборот, повышает способность к “научной эмпатии”. Предлагаются три варианта межпарадигмального взаимодействия, которые, по моему мнению, поддерживают развитие самобытных исследовательских подходов. “Сосредотачивающее” движение направлено на удержание аутентичных признаков оригинальной версии композита всех уровней оригинальной методологической платформы психологии, что воплощается в репликации на новом материале “фирменных” достижений подхода. “Генерализующее” движение состоит в ассилияции достижений иных подходов в статусе аналогов (т.е. имеющих разнородное происхождение, но ведущих к идентичным следствиям) “внутренних” достижений. Наконец, движение, условно названное “экуменическим”, заключается в интеграции исторически дифференцированных подходов в более крупные методологические кластеры на основании единства общеначальных принципов и философских источников, что ведет к их взаимному усилению.

Ключевые слова: методология психологии, межпарадигмальная коммуникация, постнеклассическая рациональность, заявка позиции.

DOI: 10.31857/S0205959225020139

Самое непростое в жизни — понять, какой мост следует перейти, а какой сжечь.

Эрих Мария Ремарк

Однажды в разговоре с Анной Ахматовой Иосиф Бродский сказал, что главным рычагом качественного прогресса в творчестве является величие замысла [3]. Трудно остаться равнодушным к величию замысла ответственных редакторов монографии

“Научные подходы в современной отечественной психологии” [11] А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко и Г.А. Виленской.

Во-первых, впечатляет сам факт того, что 38 авторов, из которых 13 входят в первый, а 11 – во второй

квартли по индексу цитирования Хирша в РИНЦ, признали себя носителями 27 оригинальных методологических подходов и вняли призыву компактно сформулировать их суть для внешней оценки и сопоставления с “конкурентами”. Таким образом, уже оглавление книги дает своеобразный социологический портрет современной российской психологии. Интересно было бы узнать, сколько подходов было в первоначальном плане и столкнулись ли редакторы с отказами от предложения представить свой подход на страницах столь почтенного издания? Были ли, наоборот, случаи отклонения редакторами каких-либо заявок? Приглашались ли к участию представители только тех подходов, которые функционируют в российской психологии “по праву рождения”? С чем было связано решение обойти вниманием возникшие за рубежом, но вполне ассимилированные в национальном контексте подходы, например, когнитивный (информационный) подход?

Во-вторых, хотя редакторская группа выступила также в роли авторов отдельных глав (главы о системно-субъектном, междисциплинарном и научометрическом подходах), их наиболее яркий вклад заключается, конечно, во вводной главе, занимающей седьмую часть объема книги и представляющей собой не традиционную для коллективных монографий эскизную ориентировку в последующих главах, а глубоко оригинальный акт интерпретации и упорядочивания методологического ландшафта современной российской психологии. Отмечу, что ее сокращенный вариант, вышедший в журнальной публикации [6], по существу является введением в полнотекстовое Введение и книгу в целом. Так что чтение одного не заменяет, а лишь подготавливает чтение другого. Задача вводной главы весьма амбициозна и понята мной как задел для создания особого раздела методологии для единооснОвного описания, картирования и сопоставления существующих (и вновь возникающих) подходов в психологии. Данный раздел можно назвать “коммуникативной методологией” (термин заимствован у В.А. Мазилова [9]), так как авторы фиксируют его предельную миссию – выявление потенциала взаимодействия между подходами или, другими словами, – наведение “межпрадигмальных мостов” [6, с. 115; 11, с. 16; 16].

Замысел и его воплощение, как известно, пребывают в диалектически напряженных отношениях [2]. Чаще всего воплощение редуцирует замысел или копирует его. Однако порой воплощение не просто количественно превосходит замысел, но порождает продукт большей, чем исходный замысел, мерности. По моему мнению, именно так произошло с обсуждаемой монографией. Книга начинается с волны большой посылки “единства в многообразии”

(*In varietate unitas*, Ernesto Teodoro Moneta), которая захлестывает “скалы” плохо поддающихся асимптотизированию текстов носителей методологических “оптик” (что особенно заметно во втором разделе) и, казалось бы, откатывается к заключению в духе скрытой иронии Великого Кормчего “Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ”. На самом деле, постепенное освоение топоса монографии показывает, что он не так прост. Поэтому искреннее восхищение уникальностью и фундаментальностью этого грандиозного научного полиптиха будоражит методологическое воображение читателя (конечно, в первую очередь, подвзывающегося на поле научной психологии) и провоцирует серию вопросов и комментариев, возможно, не совсем релевантных исходному замыслу.

Так, составители монографии вполне отдают себе отчет в принципиальной негомогенности “архитектур” включенных в анализ подходов. Они признают, что научные школы (парадигмы, подходы) не только никому не обещали быть удобными для последующей классификации, но и кардинально различаются в трактовке своего предмета, в реализуемых типах рациональности (классическая, не-классическая, постнеклассическая, [18]), познавательных установках (позитивизм, спекулятивизм, интуитивизм, критицизм, [14]), базовой (пусть не всегда ясно артикулированной) философской онтологии (например, дуалистическая линия Декарта или монистическая линия Спинозы) и, в конце концов, притязаниями на полноту и универсальность. Понятно, что не все 27 подходов для них “равновесники”, что проявляется в компоновке глав на четырех раздела по масштабу объяснительных принципов (первый и второй разделы) и по широте охвата реальности психического (третий и четвертый разделы). Распределение подходов по выделенным доменам небесспорно. Например, историко-эволюционный подход с зафиксированными в названии принципами историзма и эволюции, я отнесла бы к общеначальным подходам, где ведущим понятием является понятие преадаптации, а происхождение (и развитие) психики – предметом или центральной проблемой. Схожим образом, на статус общеначального мог бы претендовать и культурно-аналитический подход, поскольку он подобно другим отнесенными к этому домену подходам “транслирует и специфицирует общегуманитарные принципы и знания в психологическую науку” [11, с. 32]. При этом составители настаивают на том, что “Подобное действие не определяет ранг или статус глав” [11, с. 7]. Но чем же все же определяется “ранг и статус”? Во всяком случае, для авторов общей композиции книги и вводной главы?

Чтобы понять авторскую стратегию “сборки” хора голосов порой вполне герметичных подходов в некоторое унисонное единство, полезно обратить более пристальное внимание на метафору мостов, как опорную модель межпарадигмальных связей. В поле данной метафоры подходы – это острова, на которых располагаются вольные города – научные школы, а дело коммуникативной методологии – постройка мостов (или в крайнем случае – переправ) между ними. Образ моста звучит, с одной стороны, констатацией своеобразия и разделенности “территорий” различных подходов а, с другой, – поощрением многосторонних “визитов” (с потенциальной возможностью миграции) через наведенные мосты. При этом межпарадигмальные мосты должны не просто выполнять функции нейтральных элементов транспортной инфраструктуры или хлипких построек для романтических свиданий, где кто как хочет, тот так и прогуливается. Эти высокотехнологичные пограничные хабы точечно настроены на детекцию “взаимосвязи и взаимодополнительности” [11, с. 26] и состоят из особого “вещества”, которое не допускает прохода путников, избегающих использовать в своих теоретических построениях категорию субъекта. Поэтому в укор историко-эволюционном подходу ставится то, что в нем “нет места такому понятию, как субъект” [11, с. 23]. Аналогично в качестве дефицита деятельностного подхода указывается на то, что “несмотря на то, что в теории деятельности автор обращается к понятию субъекта (субъекта деятельности), данное понятие остается нераскрытым” [11, с. 26].

Теперь мне необходимо отступление, которое, надеюсь, поможет пояснить направление моих размышлений. Некоторое время назад, в ходе подготовки статьи в один международный психологический журнал, я получила из редакции просьбу включить в текст особый раздел, обозначенный как “positionality statement”. Мне предлагалось не просто более ясно эксплицировать теоретические основания выдвинутых эмпирических гипотез или расширить интерпретацию полученных результатов, а именно – “заявить свою позицию” кратким объяснением личных мотивов обращения к изучаемой проблеме и выбора конкретной теоретической базы. Поборов первоначальное изумление, я выяснила, что стандарт “positionality statement” внедряется в научной психологической периодике повсеместно и направлен на достижение “прозрачности” связи идентичности авторов с тематикой исследования и выявление вклада этого фактора в публикуемые результаты [22].

Если считать политику научных журналов формой институционализации этоса науки, общепринятый вариант которой [10] суммировался знаменитой

аббревиатурой CUDOS: коммунальность, универсализм, беспристрастность (disinterestedness) и алгоритмизированный скептицизм, то “заявка позиции” свидетельствует о важном тренде в самосознании современной психологии. А именно – о явном переходе от декларации идеала беспристрастности к запросу на рефлексию пристрастности психологического познания. Складывающаяся ситуация фиксирует то, что, по В.С. Степину, характеризует постнеклассический тип научной рациональности, с его интенцией “осмыслиения ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотнесении с социальными целями и ценностями” [18, с. 14]. Иначе говоря, можно считать признанным тот факт, что мотивация (и, следовательно, личность) ученого в своей смыслообразующей (А.Н. Леонтьев, [8]) и структурирующей (О.К. Тихомиров, [19]) научную деятельность функциях как минимум влияет на научный продукт а, возможно, и определяет его.

В то же время, пожалуй, тривиально утверждать, что основной признак, отличающий “настоящего ученого” (вне связи с формальным статусом в академической иерархии) от случайного работника аффилированной с соответствующим министерством организации – это не столько выдающаяся интеллектуальная состоятельность, сколько реализация профессиональной деятельности в соответствии с показаниями “научной совести”, которую можно трактовать как эмоциогенный индикатор отклонения от субъективно должного, от того, как “надо делать науку”. Зафиксируем, что “научная совесть” (кому-то может больше по душе прийтись термин “научное суперэго”) – образование уровневое, и уровни его органично сопрягаются со схематизацией структуры методологии научного знания, введенной в научоведческий оборот Э.Г. Юдина [21]. Хотя для наблюдателя “научная совесть” прежде всего связывается со щепетильностью в реализации процедур сбора, обработки и описания данных, т.е. с уровнем методик и техник исследования, смыслообразующим и структурирующим уровнем для нее выступает уровень приверженности конкретно-научной методологии, который, в свою очередь, детерминирован интериоризацией контруэнтной версии общенаучных принципов и форм исследования, за которой, в свою очередь, с разной степенью экспликации стоит уровень философской методологии. Подчеркивая разрыв между философией и частными дисциплинами, и, как следствие, неприменимость критерииев научности к философскому плану рассуждения, И. Лакатос, например, именовал данный уровень “метафизическими положениями” [7, с. 79–80]. Таким образом, интериоризированная методология является атрибутом личности ученого, его устойчивой личностной характеристикой.

В противном случае, он лишь исполнитель, не ведающий зачем, почему и, следовательно,— что он делает. Поэтому, следование “научной совести” в исследовательской практике – не порок, а, напротив, свидетельство укорененности личности в профессии.

Подчеркну, что, по моему мнению, неверно отождествлять “заявку позиции” и, тем более, “научную совесть” с методологическим ригоризмом как активным неприятием межпарадигмального полилога [17]. Скорее, они связаны с ориентацией на строгое отслеживание конкретной методологической рамки в работе “ближнего круга” (что обычно задается научным руководителем исследовательской группы, исследовательскими традициями и ритуалами) и допускают толерантность к умеренному эпистемологическому анархизму [20] во взаимоотношениях с соседями, который можно примирительно толковать и как методологический либерализм.

Монография “Научные подходы в современной отечественной психологии” не только дает широкую панораму методологических самоопределений ведущих современных российских психологов, но и побуждает задуматься о том, в какой степени в принципе возможен выход во “внеметодологическую” позицию при обсуждении методологической проблематики? Не заканчивается ли любое предприятие по согласованию методологических платформ неизбежным возвратом к искреннему предпочтению дыма своего локального научного “отечества”? Не продуктивнее ли в связи с этим еще на подступах к анализу, то есть “на берегу”, отказаться от декларации равнотенности разнообразия, “сетевого равенства” и т.п. обсуждаемых подходов в пользу артикуляции индивидуального взгляда на компоновку методологической географии научной дисциплины, где центром, цветущей Элладой, является впитанная в ходе десятилетий научной практики методологическая традиция. Иными словами, использовать опцию “заявки позиций”. Конечно, следствием должен стать не призыв к организационной дискриминации одного подхода в пользу другого, но признание и принятие не-преодолимости приверженности воспитавшей автора парадигме в духе Лютеровского “Hier stehe ich...”? “Заявка позиций”, на мой взгляд, поддерживая постоянную рефлексию методологических “лесов” собственного исследования, повышает и способность к “научной эмпатии”, в смысле “эмпатии – моделирования”, то есть мысленной реконструкции иной перспективы с ее четким ограничением от своей в качестве инстанции внутреннего диалога [13].

Следующий пул вопросов носит уже технический характер и связан с содержанием и наполнением ячеек таблиц описания подходов по “координатам сопоставления”: ведущему понятию, конкретизирующем

понятиям, методологическим принципам и ведущим методам. Не сомневаясь в праве аналитика выбирать мерность и оси пространства своего мышления об изучаемом явлении, все же уточнила бы причины отсутствия таких традиционных параметров, как предмет и ключевая проблема теории. На мой взгляд и в согласии с идеей методологического либерализма (как он представлен, хотя и отвергнут в блестящей работе С.Д. Смирнова [17]), прояснение сегмента психологической феноменологии, на освоение которого притягивает та или иная парадигма, отчасти снизило бы градус соперничества за создание в психологии аналога физической “теории всего”. Не удовлетворяет меня и закрытый перечень ведущих методов. Ведь некоторые, причем наиболее влиятельные, подходы в психологии вошли в историю именно своим оригинальным методом, да, собственно, по методу и именуются (например, психоанализ).

Вероятно предвидя возражения участников проекта в духе персонажей прекрасного советского мультфильма “Козлёнок, который считал до десяти” (“меня посчитали!”), авторы вводной статьи цитируют замечание А.В. Юревича о том, что “сторонники определенных концепций всегда понимают их не так, как противники... одна и та же теория понимается и развивается по-разному различными научными школами” [цит. по 11, с. 18]. Последовали ли эти возражения? Входила ли в цикл подготовки издания обратная связь от авторов глав? Ответы на эти вопросы были бы информативны для понимания расхождения между самосознанием подхода и его рецепцией. Со своей стороны поделюсь сомнениями “птенца гнезда” теории деятельности и культурно-исторической психологии по поводу их интерпретаций, суммированных в таблице 2 основного тома (таблица 1 статьи).

В первом случае речь идет о методологическом принципе “единства сознания и деятельности”, который поставлен авторами вводной главы в основу методологической конструкции теории деятельности А.Н. Леонтьева. Классическая формулировка данного принципа принадлежит С.Л. Рубинштейну (“Формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности и проявляется. Деятельность и сознание – не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое – не тождество, но единство” [15, с. 26]). Даже если абстрагироваться от тяжелой и, увы, не изжитой до конца истории противостояния школ Рубинштейна и Леонтьева, такой прямой межпарадигмальный перенос видится не вполне корректным. Более конгруэнтным самосознанию деятельностиного подхода, тем более при условии его атрибуции домену

общепсихологических (а не общен научных) подходов, кажутся предложенные А.Г. Асмоловым принципы анализа деятельности: предметности, системной морфологии единиц, детерминации образа места в структуре деятельности [1].

Во втором случае дискуссионным сразу оказывается ведущее понятие. С учетом оригинального названия Л.С. Выготским своего подхода “исторической теорией высших психологических функций” (с чего начинается соответствующая глава, с. 145), по-моему, логично было бы в качестве ведущего понятия выделить именно их. А знаковое опосредствование, возможно, было бы лучше позиционировать как методологический принцип. Впрочем, более чем уместно здесь было бы и упоминание принципа системности, на который, как на фундаментальное свойство своего подхода указывает Л.С. Выготский: “заменить структурный и функциональный анализ, неспособный охватить деятельность в целом, межфункциональным или системным анализом, основанным на выделении межфункциональных связей и отношений, определяющих каждую данную форму деятельности” [4, с. 174]. Совершенно понятна необходимость селективности в отношении конкретизирующих понятий. При сохранении лимита на их количество я бы заменила неспецифичные для культурно-исторической психологии “сознание” / “мышление и речь” на понятия “символическая деятельность” / “идеальная и реальная формы”. Ошибочными представляются и некоторые критические пассажи в адрес культурно-исторической психологии. Например, тезис о том, что “ни Выготский, ни Пиаже не рассматривали регулятивной функции речи” [11, с. 28]. Выготский прямо пишет об этом: “С помощью речи ребенок впервые оказывается способным обратиться на самого себя, как бы со стороны рассматривая себя как некоторый объект. Речь помогает ему овладеть этим объектом посредством предварительной организации и планирования собственных действий и поведения... Именно благодаря созданному с помощью речи второму ряду стимулов поведение ребенка поднимается на более высокий уровень, обретая относительную свободу от непосредственно привлекающей ситуации, и импульсивные попытки преобразуются в планируемое и организованное поведение” [5; с. 24].

В завершение предложу свое видение перспектив прогресса самобытных исследовательских парадигм в контексте социальной ситуации организационного плюрализма современной психологии. По моему мнению, он может быть достигнут в движении по трем направлениям (о первых двух см. также [12]).

Первое направление можно назвать “сосредоточивающим”. Оно предполагает формулировку

и реализацию новых научно-исследовательских субпрограмм для расширения предметного поля и получения передовых результатов, демонстрирующих эвристический потенциал подхода, при сохранении аутентичных базовых категорий, объяснительных принципов и методического аппарата. В данном случае, целью является удержание отличительных признаков оригинальной версии композита всех уровней самобытной методологической платформы психологии как в отношении релевантных ее оптике исследовательских проблем, так и в отношении процедур получения и верификации нового знания. Результатом выполняемых в жанре “сосредоточения” работ становится полученный на новом материале “фирменный” продукт подхода.

Второе направление движения подразумевает, образно говоря, прививание к древу оригинального подхода ветвей тех категорий и произрастающих из них научно-исследовательских программ, которые не входили в “канон” классиков, но способны обогатить исходные положения и заполнить вызывающие критику лакуны. Это направление условно можно назвать “генерализующим”, что, конечно, ведет к разрывлению “жесткого ядра” теории, но расширяет ее “защитный пояс” [7]. Работа по данному направлению состоит в пристальном мониторинге методологически “внешних”, но семантически, концептуально, феноменологически или даже лексически близких наработок коллег и ассилияции их в статусе аналогов (т.е. имеющих разнородное происхождение, но ведущих к идентичным следствиям) “внутренних” достижений. Иными словами, если обнаруживается некоторый результат, который гипотетически мог бы быть получен внутри подхода или хорошо согласуется с его предсказаниями, этот результат включается в его корпус.

Третье направление, которое еще условно назовем “экуменическим”, заключается в интеграции “монтажных” на философском уровне методологии подходов. Объединение исторически дифференцированных подходов в более крупные методологические кластеры очевидно обогащает готовые к компромиссу стороны как интеллектуально, так и организационно. Результатом такого движения становится “дефисные” подходы, снимающие различия между собой в сходящейся на верхних уровнях методологии обобщающей теории. Если “генерализующему” направлению присуще отношение к работам представителей других парадигм как к потенциальным аналогам, то в рамках “экуменического” направления межпарадигмальное разнообразие трактуется в духе гомологий (т.е. имеющих общее происхождение, но ведущих к различным следствиям).

Не следует упускать из виду и четвертый вариант. Он состоит в декларации отказа от корневой для автора, но по каким-либо причинам проигрышной в текущей ситуации методологии и мимикрию под более популярный и востребованный подход. Работа с обсуждаемой монографией позволяет прогнозировать низкую вероятность подобного выбора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
2. Бондарев А.П. Замысел и воплощение // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 23(734). С. 7–37.
3. Волков С.М. Диалоги с Бродским. М.: ЭКСМО, 2012.
4. Выготский Л.С. Психология и учение о локализации психических функций // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 168–174.
5. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. С. 6–86.
6. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Современные подходы в отечественной психологии: единство в разнообразии // Психологический журнал. 2024. Т. 45. № 4. С. 114–128.
7. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
8. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой М.: Смысл, 2001.
9. Мазилов В.А. Интеграция научного знания в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юрьевич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007. С. 427–458.
10. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М.: “Аст”, 2006.
11. Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023.
12. Нуркова В.В. Эволюционный поворот культурно-исторической психологии и теория когнитивных гаджетов: аналоги или гомологии? // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 29–40.
13. Нуркова В.В. Эмпатия-отождествление и Эмпатия-моделирование: о культурном конструировании двух модусов совместной деятельности // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 3. С. 3–13.
14. Перлов А.М. Четыре установки в теории гуманитарного исследования: Позитивизм. Интуитивизм. Спекулятивизм. Критическая установка. М.: 2018.
15. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1989.
16. Сергиенко Е.А. Межпарадигмальные мосты // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 4.
17. Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 3–8.
18. Стёпин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.
19. Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.
20. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 125–465.
21. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. М., 1978.
22. Roberts S.O. Dealing with Diversity in Psychology: Science and Ideology // Perspectives on Psychological Science. 2024. V. 19. № 3. P. 590–601.

“ON THE BRIDGE” OR “ON THE SHORE”? THE IMPORTANCE OF “POSITIONALITY STATEMENT” IN INTER-PARADIGM COORDINATION AMONG PSYCHOLOGICAL APPROACHES

V. V. Nourkova^{1,2,*}

¹*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

²*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA);
119606, Moscow, Vernadskogo pr., 84 bldn. 1, Russia.*

**Sc.D. (psychology), professor of RAS, Head of the Laboratory of Personality Psychology of Institute of Psychology of RAS, Leading Researcher of the School of Anthropology of the Future at RANEPA.
E-mail: nourkovavv@ipran.ru*

Received 12.03.2025

Abstract. The paper is a debatable response to the collective monograph “Scientific Approaches in Modern Domestic Psychology”. The general idea of volume composition and introductory chapter is interpreted as the basis for a novel methodology of systemic inter-paradigm communication and coordination. It is hypothesized that the authors imply a category of subject in their metaphor of “bridges between paradigms” in the sense that this category serves as a potential link between various approaches in contemporary psychology. The article discusses the call for reflection on how a researcher’s personality contributes to scientific activity, both by giving personal meaning to this activity and by structuring the design of a study. This call manifests itself in the form of a “positionality statement”, which is of high relevance due to the organizational diversity of modern psychology. It is contended that the “internal methodology” is a defining feature of a scientist’s personality. Furthermore, the reflection on the author’s methodological attitudes does not serve as an obstacle to inter-paradigmatic dialogue, but rather enhances the ability for scientific empathy. Three variants of inter-paradigmatic interaction are proposed in order to foster the development of distinct research approaches. The “concentration” line of development seeks to maintain the distinctive characteristics across all levels of the methodological framework. This leads to an enhanced replication of the “branded” achievements of the approach in new material. The “generalizing” line of development involves incorporating the achievements of other approaches. These “external” achievements are transferred to “internal” ones in the status of analogues (i.e., having diverse origins but leading to identical consequences). Finally, the line of development, conventionally called “ecumenical”, consists in integrating historically different approaches into broader methodological clusters. These clusters use the unity of general scientific principles and philosophical sources, which leads to their mutual strengthening.

Keywords: methodology of psychology, inter-paradigm communication, post-non-classical rationality, positionality statement.

REFERENCES

1. Asmolov A.G. Po tu storonu soznanija: metodologicheskie problemy neklassicheskoy psihologii. Moscow: Smysl, 2002.
2. Bondarev A.P. Zamysel i voploschenie. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2015. № 23(734). P. 7–37.
3. Volkov S.M. Dialogi s Brodskim. Moscow: JeKSMO, 2012.
4. Vygotskij L.S. Psihologija i uchenie o lokalizacii psicheskikh funkciij. Sobr. soch.: In 6 vv. V. 1. Moscow: Pedagogika, 1982. P. 168–174.
5. Vygotskij L.S. Orudie i znak v razvitiu rebenka. Sobr. soch.: In 6 vv. V. 6. Moscow: Pedagogika, 1984. P. 6–86.
6. Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. Sovremennye podhody v otechestvennoj psihologii: edinstvo v raznoobrazii. Psichologicheskii zhurnal. 2024. V. 45. № 4. P. 114–128.
7. Lakatos I. Fal’sifikacija i metodologija nauchno-issledovatel’skikh programm. Moscow, 1995.
8. Leont’ev A.N. Lekcii po obshhej psihologii. Eds. D.A. Leont’ev, E.E. Sokolova. Moscow: Smysl, 2001.
9. Mazilov V.A. Integracija nauchnogo znanija v psihologii. Teorija i metodologija psihologii: Postneklassicheskaja perspektiva. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Jurevich. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2007. P. 427–458.
10. Merton R.K. Social’naja teorija i social’naja struktura. Moscow: “Ast”, 2006.
11. Nauchnye podhody v sovremennoj otechestvennoj psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilen-skaja. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2023.

12. *Nurkova V.V.* Jevoljucionnyj poverot kul’turno-istoricheskoy psihologii i teorija kognitivnyh gadzhetov: analogi ili gomologii? *Voprosy psihologii*. 2019. № 4. P. 29–40.
13. *Nurkova V.V.* Jempatija-otozhdestvlenie i Jempatija-modelirovaniye: o kul’turnom konstruirovaniy dveh modusov sovmestnoj dejatel’nosti. *Voprosy psihologii*. 2020. V. 66. № 3. P. 3–13.
14. *Perlov A.M.* Chetyre ustanovki v teorii gumanitarnogo issledovanija: Pozitivizm. Intuitivizm. Spekuljativizm. Kriticheskaja ustanovka. Moscow, 2018.
15. *Rubinshtejn S.L.* Osnovy obshhej psihologii: In 2 vv. V. 1. Moscow: Pedagogika, 1989.
16. *Sergienko E.A.* Mezhparadigmal’nye mosty. Psihologicheskie issledovanija. 2016. V. 9. № 48. P. 4.
17. *Smirnov S.D.* Metodologicheskiy pljuralizm i predmet psihologii. *Voprosy psihologii*. 2005. № 4. P. 3–8.
18. *Stjopin B.C.* Samorazvivajushhiesja sistemy i postneklassicheskaja racional’nost’. *Voprosy filosofii*. 2003. № 8. P. 5–17.
19. *Tihomirov O.K.* Psihologija myshlenija. Moscow, 1984.
20. *Fejerabend P.* Protiv metoda. Ocherk anarhistskoj teorii poznanija. Fejerabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki. Moscow, 1986. P. 125–465.
21. *Judin Je.G.* Sistemnyj podhod i princip dejatel’nosti: metodologicheskie problemy sovremennoj nauki. Moscow, 1978.
22. *Roberts S.O.* Dealing with Diversity in Psychology: Science and Ideology. Perspectives on Psychological Science. 2024. V. 19. № 3. P. 590–601.